

БУРДИНА Е. В., ШИЧИНОВА К. А.

**ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ
ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ:
ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ**

Аннотация. Авторы анализируют природу принципа гласности в целом и такого понятия, как «транспарентность», выделяемого наряду с гласностью в юридической литературе. Посредством изучения практики Европейского суда по правам человека выявляются проблемы, возникающие при реализации рассматриваемого принципа.

Ключевые слова: гражданский процесс, гласность, транспарентность, публичное разбирательство дела, закрытое судебное заседание.

BURDINA E. B., SHICHINOVA K. A.

**TRANSPARENCY AS AN INTERNATIONAL LEGAL STANDARD OF JUSTICE
IN CIVIL CASES: CONCEPT, CONTENT AND LIMITATIONS**

Abstract. The authors analyze the nature of the principle of publicity in general and in comparison with the principle of transparency presented in law books. Considering the cases of the European Court of Human Rights, the study focuses on the problems arising due to implementation of the transparency principle.

Keywords: civil process, publicity, transparency, public hearing, closed hearing.

Одним из начал гражданского процесса является принцип гласности, закрепленный в ст. 10 ГПК РФ. Содержание данного принципа заключается в открытом разбирательстве дел в суде, обеспечивающем доступность судебного процесса всем заинтересованным лицам, в том числе лицам, которые не являются участниками судебного разбирательства, но которые изъявили свое желание непосредственно присутствовать на судебном заседании.

Принцип гласности судебного разбирательства непосредственно закреплен в ст. 6 Европейской Конвенции о защите права человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ратифицирована Россией 15 мая 1988 г.), в которой говорится: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Также принцип гласности нормативно закреплен в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.) (ст. 14), Конституции РФ (ст. 123), ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» (ст. 9) и

других нормативно-правовых актах, касающихся отдельных отраслей права (УПК РФ, АПК РФ).

Понимание принципа гласности не может ограничиваться лишь порядком допуска лиц в зал судебного заседания. По мнению профессора В. С. Каменкова, принцип гласности современного правосудия выражается также в доступности и открытости информации о работе судов, о времени работы и приема населения, их полномочиях, подведомственных им спорах, порядке приема и рационального рассмотрения обращений, о выездных судебных заседаниях, о назначенных к слушанию общественно значимых процессах, о принятых постановлениях, их исполнении, порядке обжалования отказа в принятии заявления и т. п. [5, с. 22].

Необходимо также отметить, что в соответствии с действующим законодательством лица, которые непосредственно участвуют в деле, и граждане, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Кроме того, гласность судопроизводства открывает возможностям средств массовой информации освещать ход открытого процесса, но данное обстоятельство допускается с разрешения суда (прямое указание на это содержится в ч. 7 ст. 10 ГПК РФ).

Однако общее правило разбирательства дел в судах имеет некоторые исключения, допускающих слушания в закрытом судебном заседании. Ст. 6 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляют возможность проведения закрытого разбирательства по соображениям морали, общественного порядка и государственной безопасности.

Непосредственным основанием проведения закрытых судебных заседаний являются защита конституционных прав граждан, перечисленных в ст. 23 Конституции РФ, а именно: права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Согласно ст. 182 ГПК в целях охраны тайны переписки и телеграфных сообщений переписка и телеграфные сообщения граждан могут быть оглашены и исследованы судом в открытом судебном заседании только с согласия лиц, между которыми эти переписка и телеграфные сообщения происходили. Без согласия этих лиц их переписка и телеграфные сообщения оглашаются и исследуются только в закрытом судебном заседании.

В закрытом судебном заседании рассматриваются дела, в которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну [1]. Также по ходатайству лица, участвующего в деле, разбирательство в закрытом судебном заседании допускается в случае

ссылки лица на необходимость сохранения коммерческой [2] и иной охраняемой законом тайны.

Отмечается, что «гласность является формой реализации контроля общества за работой судебных органов, ведь подлинная независимость судебной власти предполагает такую ее безупречную деятельность, которая не позволяла бы независимости превращаться во вседозволенность, проявление произвола и беззакония» [3, с 21]. Идентичную мысль также высказывал профессор Е. А. Нефедьев. Он писал, что «надзор со стороны заинтересованных лиц и со стороны публики действеннее всяких угроз за неправоудие, всяких ревизий и надзора со стороны начальства, так как надзор со стороны тяжущихся и публики оказывает нравственное воздействие на суд» [6, с. 30].

Анализируя природу принципа гласности, следует указать, что в литературе, наряду с гласностью, выделяется такое понятие как транспарентность правосудия. Данный термин выработан в западной науке, но, тем не менее, достаточно широко используется в науке российской. Дословный перевод анализируемого термина с английского означает «прозрачный», то есть ясно видимый, явный, легко понимаемый.

В процессуальном понимании транспарентность трактуется неоднозначно, поэтому можно выделить ряд мнений, разнящихся относительно природы транспарентности. Но, в целом, правоведы рассматривают данное понятие либо как тождественное принципу гласности, либо рассматривают транспарентность как самостоятельное явление. Так, по мнению отдельных авторов, транспарентность необходимо рассматривать «как многоаспектное понятие, не совпадающее с понятиями «гласность» и «публичность», т. к. значением понятия «транспарентность» охватываются: 1) политико-правовая идея об информационной открытости судебной власти, как неременном условии ее эффективного функционирования; 2) реальная характеристика судебной власти, отражающая степень ее информационной открытости, т. е. фактическое состояние доступности объективной, полной и достоверной информации об организации и деятельности судебной власти; 3) правовой режим транспарентности, то есть система юридических средств и методов, направленных на обеспечение состояния информационной открытости судебной власти» [7, с. 9-10].

В. С. Каменков отождествляет транспарентность с гласностью, прозрачностью правосудия [5, с. 22]. Д. И. Гунин определяет транспарентность в праве как правовой институт и возникающий на его основе правовой режим, складывающийся из совокупности правоотношений по поводу доступа различных субъектов к интересующей их информации с должной полнотой, достаточностью и достоверностью [4].

Анализ научных суждений, высказанных в юридической литературе в отношении сути транспарентности позволяет отождествлять ее с открытостью, «прозрачностью» правосудия.

Гласность, в свою очередь, подразумевает как открытое разбирательство дел в судах, так и более широкое, чем буквальное толкование, включая доступность информации о деятельности суда в целом, о его полномочиях, взаимодействие со СМИ, оглашение и публикация судебных решений по конкретным делам и т. д. Из этого следует вывод, что транспарентность и гласность – это два близких понятия, имеющих разный контекст происхождения. Если принцип гласности исторически присущ национальной системе правосудия, то начало транспарентности берет свои корни из англоязычного права, а в настоящее время является общепризнанным стандартом правосудия. В этой связи принципиально неверно разграничивать, а тем более противопоставлять указанные категории. Считаем более обоснованным признавать их разноуровневыми, принадлежащими к разным системам права: международному и национальному, взаимодействие между которыми имеет двусторонний характер.

Содержание принципа гласности формируется в результате законодательного регулирования и под воздействием международного права и практики Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), выявляющего нарушения ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и *публичное* разбирательство дела...).

В Постановлении ЕСПЧ от 17 января 2008 г. по делу «Рякиб Бирюков против России» (Ryakib Biryukov v. Russia, жалоба № 14810/02) отмечено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, которое заключалось в следующем. Заявитель обжаловал в Европейский Суд нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, выразившееся в том, что суды Российской Федерации, рассматривается его гражданское дело, не «объявили публично» мотивированное судебное решение по делу, ограничившись лишь оглашением в судебном заседании его резолютивной части. Европейский Суд указал, что публичность судебного разбирательства, защищая стороны судебного процесса от отправления правосудия в режиме секретности и в отсутствие общественного контроля, является одним из средств, с помощью которых поддерживается доверие к суду. Европейский суд признал указанную практику несоответствующей требованиям Конвенции, отметив, что оглашение в рамках открытого судебного заседания лишь резолютивной части судебного решения сделало невозможным обеспечение контроля со стороны общественности за деятельностью судебных органов и нарушило соответствующее право заявителя, то есть право на публичное разбирательство дела.

В Постановлении от 2 октября 2012 г. по делу «Борткевич против России» (Bortkevich v. Russia, жалоба № 27359/05) ЕСПЧ указал, что имело место существенное нарушение п. 1

ст. 6 Конвенции. Суть дела состоит в том, что заявителю не была предоставлена возможность эффективно представить свою позицию по делу в суде (заявителю, отбывающему наказание в виде лишения свободы, не было позволено принять участие в разбирательстве по гражданскому делу, касавшемуся условий отбывания им наказания, применительно к которому он являлся основным источником информации, лишь со ссылкой на соответствующие положения закона и без рассмотрения альтернативных способов получения его показаний, например, проведения выездного заседания суда в колонии). Таким образом, помимо права справедливого судебного разбирательства здесь нарушается право публичного разбирательства дела, так как лицо не могло принять участие в разбирательстве по гражданскому делу.

По делу «Владимир Васильев против России» (Vladimir Vasilyev v. Russia, жалоба № 28370/05) ЕСПЧ также констатировал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции (Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г.). В рассматриваемом деле заявитель жаловался на свою неспособность участвовать в заседании суда по своему гражданскому делу. Несмотря на то, что российское законодательство предусматривает право стороны на участие в устном разбирательстве, оно не содержит прямых указаний на возможность доставления заключенных в судебное заседание по гражданскому делу. Статья 6 Конвенции гарантирует не право быть заслушанным лично в гражданском разбирательстве, но более общее право на состязательную процедуру и равенство сторон, оставляя государству свободный выбор средств, используемых для обеспечения этих прав. С учетом возможности практических сложностей в обеспечении присутствия заявителя на слушании национальные власти могли провести заседание с использованием видеосвязи или в изоляторе, но ни одна из этих возможностей не рассматривалась. Тем не менее, отклонив ходатайство заявителя о личном участии, национальные суды не рассмотрели вопроса об обеспечении его эффективного участия в разбирательстве путем наведения справок о том, имеет ли он друга или родственника, желающего представлять его интересы в разбирательстве, или о том, имеется ли возможность контакта с таким лицом или выдачи ему доверенности. Полагая, что показания заявителя составляли бы незаменимую часть представления его интересов по делу, Европейский Суд заключил, что национальное разбирательство не удовлетворяло требованиям статьи 6 Конвенции, в результате чего заявителю была выплачена компенсация морального вреда (9 000 евро).

В Постановлении ЕСПЧ по делу «Храброва против России» (Khrabrova v. Russia, жалоба № 18498/04), вступившем в силу 11 февраля 2013 г., Европейский суд также усмотрел нарушение российскими властями п. 1 ст. 6 Конвенции. Обращаясь в Европейский Суд, заявительница, бывшая учительница, жаловалась, что разбирательство по гражданскому

делу о восстановлении на работе было несправедливым и нарушающим принцип равенства сторон, поскольку суд первой инстанции отказался вызвать в качестве свидетелей одноклассников – очевидцев конфликта с ученицей И., ставшего поводом к ее увольнению. Также заявительница жаловалась на закрытый характер судебного разбирательства по ее иску о восстановлении на работе. Европейский Суд напомнил, что в п. 1 ст. 6 Конвенции закреплён фундаментальный принцип, устанавливающий, что разбирательство в суде должно быть публичным. Общественный характер слушаний защищает стороны от отправления правосудия без контроля со стороны общественности. Тем не менее, п. 1 ст. 6 Конвенции не запрещает судам отступать от этого принципа, в случае особого характера рассматриваемого ими дела, например, для защиты частной жизни сторон, или когда того требуют интересы несовершеннолетних. Европейский Суд принял во внимание доводы представителей власти о том, что публичное рассмотрение дела «могло негативно сказаться на психическом состоянии И. и на ее взаимоотношениях с одноклассниками». Однако Европейский Суд отметил, что проведение заседания за закрытыми дверями не было связано с намерением несовершеннолетнего лица, например, И., давать показания в суде. Из протокола судебного заседания следует, что И. показаний в суде не давала, а отдельные несовершеннолетние свидетели заслушивались в отсутствие сторон спора. Также Европейский Суд не усмотрел, что во время закрытых слушаний суд стремился защитить от общественности какую-либо частную или иную конфиденциальную информацию. Таким образом, Европейский Суд сделал вывод, что основания, на которые опирался районный суд, не оправдывают исключение общественности из процесса, соответственно, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с непроведением публичного судебного разбирательства.

Таким образом, содержание принципа гласности составляют следующие его элементы:

- свободный доступ в зал судебного заседания лицам, изъявившим желание;
- извещение о времени и месте судебного разбирательства не только сторон, но и общественности в целом;
- возможность фиксации хода судебного разбирательства средствами, прямо предусмотренными законом;
- гласность судебных решений (т.е. оглашение судебного постановления, вручение копий сторонам, опубликование решения в специализированных изданиях, в том числе размещение в сети Интернет);
- доступность и открытость информации о суде (информация о работе суда в целом, о времени работы и приема населения, полномочиях, подведомственных спорах).

Государство должно обеспечивать эффективность механизмов защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в том числе обеспечивать надлежащие условия, позволяющие всем заинтересованным лицам реализовывать свои конституционные права, связанные с гласностью судопроизводства, с правом на получение информации о судебной деятельности без каких-либо исключений. Это касается как участников процесса, так и тех, кто проявляет интерес к его ходу, включая представителей средств массовой информации. Так, например, для людей с ограниченными возможностями здоровья судебное разбирательство должно быть организовано в доступном для них зале судебного заседания: зал судебного заседания должен быть расположен на первом этаже или в суде должен быть лифт, или должны быть предприняты иные меры, позволяющие людям с ограниченными возможностями здоровья присутствовать в судебном процессе.

Вместе с тем содержание открытости судопроизводства по гражданским делам, доступа к суду и публичной доступности к информации о деятельности судов не может быть уяснено вне системы иных принципов гражданского процесса, которые также охраняются государством и имеют общественную ценность. К их числу относятся обеспечение безопасности в здании судов, включая охрану здоровья судей, работников аппарата судов, лиц, участвующих в деле, а также посетителей, защиту персональных данных граждан, их чести и достоинства, права на неприкосновенность частной жизни и др. С учетом значения названных социально значимых ценностей транспарентность правосудия имеет свои ограничения.

Такие ограничения в гражданском процессе закреплены как в Гражданском процессуальном кодексе РФ, так и в ряде федеральных законов и актах, принимаемых судами и органами судейского сообщества.

Существующие ограничения принципа транспарентности правосудия по гражданским делам можно классифицировать на следующие основные виды:

а) процессуальные ограничения, установленные в ГПК РФ (например, закрепленные в ст. 10 ГПК основания проведения закрытого судебного заседания, запреты видеосъемки и фотографирования без согласия суда);

б) ограничения, связанные с защитой персональных данных, закреплены в федеральных законах «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ, «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ. Названные нормативно-правовые акты содержат основные принципы размещения текстов судебных актов в сети Интернет, исходя из которых законодатель установил перечень судебных актов, не подлежащих размещению в сети Интернет. К ним относятся, например, решения по делам, возникающим из семейно-

правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних. Более подробные рекомендации в отношении актов, не подлежащих размещению на интернет-сайте, содержатся в Регламенте организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте суда общей юрисдикции, утвержденном Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 27 января 2011 г. № 253;

в) ограничения, обусловленные необходимостью обеспечения безопасности деятельности судов, содержатся в Федеральном законе «О судебных приставах», в нормативных локальных актах, принимаемых судами и регулирующих вопросы пропускного режима и правил поведения в зданиях судов.

В настоящее время утверждение о том, что транспарентность (гласность) гражданского судопроизводства есть одно из основных его начал, является общепризнанным и вряд ли нуждается в доказывании. Вместе с тем, более актуальными следует считать вопросы поддержания баланса между открытостью правосудия по гражданским делам и такими общественными ценностями как безопасность в здании судов, защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни, что диктует потребность в установлении определенных ограничений транспарентности и подвижности такого баланса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 41. – Ст. 4673.
2. Постановление Правительства РСФСР от 5 дек. 1991 г. № 35 «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну» // Собр. постановлений Правительства Рос. Федерации. – 1992. – № 1-2. – Ст. 7.
3. Анишина В. И. Принципы гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. – 2006. – № 11. – С. 21–23.
4. Гунин Д. И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 29 с.
5. Каменков В. С. О принципе гласности в хозяйственном правосудии // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 5. – С. 22–24.
6. Нефедьев Е. А. Избранные труды по гражданскому процессу. – М., 2005. – 400 с.
7. Спицин И. Н. Проблемы транспарентности в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – 34 с.